

УДК 94(47).063:651

М. В. Пороунов

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ
ПО КОНТРОЛЮ НАД ЧАСТНЫМИ ЗАВОДАМИ
В НАКАЗЕ ШИХТМЕЙСТЕРУ В. Н. ТАТИЩЕВА
(1735)

В статье рассматриваются должностные обязанности государственных горных чиновников – шихтмейстеров – по составлению новых учетных и отчетных документов, призванных усилить контроль со стороны государства над частными заводами. Анализируются нормы, регламентирующие составление на частных заводах новых видов документов. Раскрывается отношение к вводимым В. Н. Татищевым новшествам со стороны самих промышленников, Канцелярии Главного заводов правления во главе с В. Н. Татищевым, Коммерц-коллегии и верховной власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. Н. Татищев, Урал, законопроект, частные заводы, шихтмейстеры, документирование деятельности.

Именной инструкцией, данной В. Н. Татищеву при назначении начальником казенных заводов Урала в марте 1734 г., он получил широкие полномочия, в частности, ему предписывалось разработать новое горное законодательство, организовать контроль над частными заводами, для этого ввести институт особых государственных служащих – шихтмейстеров – по образцу саксонских

и шведских заводов, составить Наказ, регламентирующий их деятельность [см.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6559]. По сути, Татищев, приняв активное участие в составлении текста именной инструкции, получил право осуществить программу, которую предлагал Берг-коллегии еще в первый период руководства заводами в 1721 г., как это будет показано ниже.

Наказ шихтмейстеру был составлен Татищевым как законопроект, подлежащий апробации верховной властью. В 1810 г. И. Ф. Герман ввел в научный оборот преамбулу этого документа, названия его глав и фамилии назначенных на заводы шихтмейстеров [Герман, с. 159–160]. В 1951 г. Н. И. Павленко опубликовал Наказ шихтмейстеру; прошение уральских заводчиков, поданное Анне Иоанновне по поводу его введения; резолюцию Канцелярии на это прошение и «рассуждение» Коммерц-коллегии о Наказе, адресованное Кабинету министров [см.: Павленко, с. 210–244]. В предисловии к публикации Н. И. Павленко констатировал, что Наказ шихтмейстеру как исторический источник никем не был использован в полной мере, несмотря на то, что упоминание о нем имеется в работах Б. Б. Кафенгауза, М. Н. Мартынова, Н. А. Попова и др. [см.: Там же, с. 209].

В предисловии к публикации Н. И. Павленко показал причины разработки Наказа, отметил поначалу благоприятное отношение к нему со стороны А. Демидова и Осокиных, надеявшихся на возможности усиления наблюдения за приказчиками, изменившееся по мере детального знакомства с содержанием Наказа и его практическим осуществлением [см.: Там же, с. 203–204]. Н. И. Павленко раскрыл причины недовольства промышленников этим документом. Их раздражало то, что с введением отчетности они должны были увеличить число канцелярских служащих; платить рабочим половину зарплаты во время болезни и вынужденного простоя заводов; открывать школы; осуществлять контроль над составом мастеровых и работных людей, среди которых подавляющее большинство были беглыми, не имевшими паспортов; ввести надзор над производством и сбытом продукции; согласовывать единые цены на нее.

Н. И. Павленко привел конкретные примеры недовольства приказчиков шихтмейстерами и отрицательных последствий

излишней бюрократизации в деятельности частных заводов [см.: Там же, с. 203–207]. Павленко констатировал, что «В. Н. Татищев был сторонником жесткой регламентации частной инициативы промышленников и требовал активного вмешательства абсолютистского государства в их деятельность» [Там же, с. 201].

А. И. Юхт в монографии о Татищеве (1985) показал, что еще в первый период руководства уральскими заводами им поднимался вопрос о контроле со стороны Горного начальства над деятельностью частных предпринимателей [см.: Юхт, с. 78–80]. Поводом к этому послужили постоянные столкновения с заводовладельцем Н. Демидовым, попытки последнего воспрепятствовать развитию на Урале казенных заводов, его нежелание признавать полномочия В. Н. Татищева и И. Ф. Блиера как представителей Берг-коллегии и исполнять их распоряжения. В доношении от 28 февраля 1721 г. Татищев предложил Берг-коллегии назначить на частные заводы государственных чиновников – шихтмейстеров. Поручить им, как представителям Горного начальства, организацию точного учета производимой на заводе продукции; контроль над установлением равной оплаты труда на частных и казенных заводах; препятствование приему людей, не имеющих отпускных писем, т. е. беглых, и т. д. Введение строгого учета готовой продукции на частных заводах имело фискальные причины. Эта мера должна была исключить возможность обмана промышленниками казны при уплате десятины – налога, установленного государством с частных заводчиков. Установление равной платы работникам на казенных и частных заводах должно было препятствовать переманиванию специалистов с казенных предприятий на частные и с одного частного завода на другой. Шихтмейстер должен был следить, чтобы на частных заводах мастеров и рабочих людей было «указное число», и не разрешать заводовладельцам принимать мастеровых с других заводов без разрешения их начальства.

Таким образом, взгляды В. Н. Татищева на управление частновладельческими предприятиями в значительной мере сложились уже в начале 20-х гг. XVIII в., когда он впервые высказался за контроль над частными заводами со стороны государства и регламен-

тацию частной инициативы. По мнению А. И. Юхта, необходимость активного вмешательства государственных органов во все сферы хозяйственной жизни частных заводов была связана со взглядами В. Н. Татищева, полагавшего, что решающую роль в политическом и экономическом развитии России играет абсолютистское государство, хотя одновременно Татищев считал, что государство не может ограничиться лишь мерами принуждения, оно «должно широко опекать промышленников, оказывать им финансовую и техническую поддержку, помогать в обеспечении предприятий рабочей силой» [Юхта, с. 81].

А. М. Сафроновой Наказ шихтмейстеру был проанализирован как источник, раскрывающий попытку В. Н. Татищева обязать промышленников открыть школы при частных заводах Урала [см.: Сафронова, 1995, с. 40–51; 2006, с. 97–138]. Но содержание Наказа никем из исследователей не рассматривалось в качестве важного источника, регламентирующего появление нового круга документов, связанного с введением института шихтмейстеров при частных заводах Урала.

Наказ должен был приобрести законодательную силу после его апробации верховной властью и модернизировать состав, форму, содержание документации, составлявшейся в отношении 25 частных заводов Урала, в соответствии с новыми нормами, изложенными в нем, а также вызвать к жизни появление новых видов документов на самих частных заводах, которые должны были составлять их подьячие под контролем приказчиков. Учитывая важное значение Наказа шихтмейстеру в ряду других нормативных документов, составленных Татищевым (наказов заводскому комиссару 1721, 1723 гг., Заводского устава 1735 г.), мы поставили цель проанализировать его нормы, касающиеся документирования деятельности шихтмейстеров как представителей государства, раскрыть состав документации, которая должна была появиться и на частных предприятиях, и в Канцелярии Главного заводов правления в целях усиления контроля со стороны государства над деятельностью промышленников. При этом мы используем текст Наказа, опубликованный в сборнике «Записки. Письма» В. Н. Татищева 1990 г. [см.: Татищев, с. 176–186].

Н. И. Павленко датировал Наказ шихтмейстеру 1735 г., в публикации 1990 г. он датируется более определенно – не позднее 27 января 1735 г. А. М. Сафронова на основе записи в личной канцелярии В. Н. Татищева как начальника заводов от 27 января показала, что вечером, в 11 часу, В. Н. Татищев с советником А. Ф. Хрущовым и главным казначеем К. А. Гордеевым слушали текст Наказа, «по оному розсуждали» и в некоторых пунктах пополнили. В этот же день Наказ при доношении был отправлен императрице для апробации [см.: Сафронова, 1995, с. 42; 2006, с. 102]. Наказ подписан В. Н. Татищевым и советником А. Ф. Хрущовым, но в доношении Татищев указал: «Наказ я сочинил сам, при сем посылаю» [Там же]. Таким образом, Наказ датируется 27 января 1735 г. и ясно, что некоторые его пункты были дополнены участниками обсуждения, только неизвестно, какие. 11 февраля 1735 г. уральская Канцелярия определила: «шихтмейстеров имена в наказы внести и их на заводы разослать по реестру...» [Сафронова, 2006, с. 112].

Наказ шихтмейстеру имеет преамбулу, где Татищев излагает содержание именной инструкции 1734 г., касающейся его полномочий в отношении частных заводов и их владельцев, называет его «указом», вводит положение о том, что ему якобы поручено «велеть им самим и их всем прикащиком и управителем в слышании сего указа подписаться». И потому они, «которые при промыслах случились, в слышании подписались» [Татищев, с. 176]. Наказ имеет 11 глав, но Татищев называет их пунктами: шихтмейстеру предписывалось «поступать по следующим пунктам». Каждый из них обозначен цифрами и имеет свое название.

Первый пункт «О принятии ведомостей» гласил: после приезда на завод шихтмейстер должен был получить от самого владельца или его прикащика три ведомости «за их руками». Первая ведомость – «всем строениям заводским и что в которой работано бывает» с оговоркой: «каковая от них сюда в Канцелярию подана», т. е. на заводах должны были повторно скопировать уже составленный по требованию уральского начальства документ лично для шихтмейстера.

Вторая ведомость – всем людям, проживавшим при частном заводе: «прикащиком, мастерам, служителям и работникам», при-

чем с указанием, «что у кого детей с летами». По сути, ее составление означало проведение подробной переписи заводских жителей. В случае выявления работников «сверх подушной переписи и оклада» (т. е. помимо старых работников, учтенных в первой ревизии и платящих подушный оклад), требовалось «при тех именах, допроса, подписать, давно ль и откуда пришел, где в подушной оклад написан и за которой год платил». Если обнаруживались временно живущие при заводах, платившие подушные деньги в других городах, требовалось указать, «на сколько лет договорился или без договора, по чему в год ему окладного и заработных с чего платится». Хотя Татищев не указал прямо, кто должен был проводить уточняющий допрос, по нашему мнению, это мог быть только шихтмейстер, он должен был работать с поданной ему от приказчика ведомостью. Проведение такой переписи жителей позволило бы выявить всех пришедших работников и уточнить сведения об уплате ими подати, выявить будущих налогоплательщиков.

В третьей ведомости полагалось зафиксировать данные о припасах, употребляемых на заводе либо изготовленных «в отпуск и в продажу», с указанием, во что обошлось их производство. Получив эти ведомости, шихтмейстер должен был хранить их при себе «для предбудущих справок». Таким образом, обязанность подавать шихтмейстеру такие документы возлагалась на владельцев заводов и их приказчиков, а составлением их должны были заниматься подьячие частных заводов.

Второй пункт «О содержании книг» был самым большим по объему, состоял из преамбулы, 7 подпунктов, за которыми следовали еще и 8 примечаний [см.: Татищев, с. 177–179]. При составлении данного пункта В. Н. Татищев опирается на нормы Адмиралтейского регламента (1722), о чем в тексте Наказа шихтмейстеру имеется прямое указание: «так как в Адмиралтейском уставе написано» [Там же, с. 178]. Согласно Адмиралтейскому регламенту (1722) «все книги, в которых имеют вписаны быть приход и расход денег и всяких вещей, должны быть белыя прежде, прошиты шнуром и запечатать Адмиралтейской печатью, переметя листы нумерами. И иметь всегда оных книг в готовности на все дела потребное число»

(п. 36). Лицам, «какого б звания ни были», ответственным за содержание прихода и расхода денег и припасов, регламент предписывал дать указ, «дабы письма и книги, надлежащая к должности каждаго, содержали в добром порядке и чистоте» и все записи было наглядно видно (п. 37) [см.: ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3937]. Для этого в Адмиралтейском регламенте (1722) имелись специальные формы книг, в соответствии с которыми требовалось организовать делопроизводство.

В. Н. Татищев, взяв за основу виды и формы книг о людях, деньгах, припасах и материалах, а также другие делопроизводственные документы Адмиралтейского регламента (1722), разрабатывает и вводит в Наказе шихтмейстеру приходно-расходные книги, адаптировав их к требованиям и специфике делопроизводства на частных заводах. Согласно тексту Наказа шихтмейстеру вменялось в обязанность составлять «порядочные» приходно-расходные книги деньгам и припасам, руководствуясь Адмиралтейским регламентом (1722), хотя и оговаривалось, что «приход и росход при партикулярных промыслах состоит в воле промышленников».

Татищев объясняет причины составления таких книг по новой для промышленников форме: «для подлинного известия, что по чему становится, сколько с чего десятины и пошлыны взять и чтоб хозяин во отлучности от прикащиков и управителей обманут не был и о своей прибыли и убытке основательно знать всегда мог...» Таким образом, достигалась двойная цель, в первую очередь, обеспечение государства достоверной информацией и, как следствие, взимание в пользу государства десятины и пошлыны в полном объеме, без утайки. Обратим внимание, что составлять приходно-расходные книги предписывалось шихтмейстеру, а их вводилось 7 разновидностей. Другое дело, что для составления этих книг потребовался бы сбор множества данных и от приказчиков частных заводов.

В первой книге, «приходной деньгам», полагалось записывать любое поступление, в том числе данное на расход хозяином, от крестьян, за проданные припасы, каждое «особливою статьею чисто, бес приписок, чернения и чищения – споряд».

В окладной приходной, или долговой, книге шихтмейстеры должны были записывать на одной странице имена должников

промышленнику, сумму долга, если «по какому делу или письму, то записать кратко, где оное сыскать», на другой странице, напротив имен должников, отметить уплату долга. Заработанные крестьянами слобод деньги записывать нужно было напротив слободского оклада, фиксируя понедельно: «та слобода сколько заработали, и где под каким нумером роспись заработная положена». Отдельно следовало записывать долги самого промышленника кому-либо. Эту книгу полагалось вести в течение года, записи об оставшихся долгах переносить в новую книгу со ссылкой на страницы в старой.

В расходную книгу требовалось записывать статьи с расписками и с обоснованием каждого конкретного расхода, а «мелочные ж дачи записывать поседмично из росписей без всякой прибавки». Во избежание различных споров данные записи, а также статьи без расписок должен был подписывать сам промышленник либо его приказчик.

Окладная расходная книга должна была содержать записи о всех служителях, имеющих месячное или годовое жалованье. На каждой странице полагалось записать одно или два имени, под ним указать оклад, «когда ему учинен и есть ли где о том записка или договор», ниже отметить дату выдачи, получателю денег – расписаться. В случае увеличения или уменьшения оклада, вычета из него, увольнения работника или его смерти требовалось внести об этом запись под именем работника. Если в конце года выдача жалованья и вычет не были завершены, записи об этом переносились в новую книгу [Татищев, с. 177].

В памятную книгу деньгам, пятую по счету, предписывалось кратко записывать ежедневный денежный приход и расход, а после перенесения записей в приходную или расходную книгу в памятной делать об этом отметку, «ибо иногда случается, что деньги не вдруг примаются или отдаются, иногда же щет скоро не окончится и для того бес памятной записки случаются замешание и проронки».

Татищев оговаривается, что по Адмиралтейскому регламенту (1722) требуется вести и книгу прихода-расхода припасов, подобно

учету деньгам («что приказным порядком надобно для внесения указа и росписку на всякую статью едва не страница»), и памятную книгу о припасах, но он полагает, что на партикулярных заводах достаточно лишь памятной книги припасам. Татищев подробно излагает порядок ее ведения: на странице с левой стороны книги записать крупно наименование припаса (вначале вписав данные об оставшихся с прошлого года), в графах указать число, вес, цену поступивших припасов, в правой стороне страницы – их ежедневный расход. В отношении руды, чугуна, извести, кирпича и т. п. крупных партий делать записи по смете за неделю или помесечно. Если в приходе и расходе имелось большое количество припасов, для их записи оставлять место на 2–3 пустых листах. Когда на странице место исчерпывалось, предписывалось подвести итог, сложить приход-расход, «наличной остаток перенести на другую страницу», указав, на какую страницу перенесено, а на той подписать, из какой записи перенесены. В конце года данные об остатке припасов перенести в новую книгу.

Поскольку на заводах припасы передавались и от одного мастера к другому, а введение подобного учета было бы утомительным и заняло много времени, Татищев закрепил уже сложившуюся при казенных заводах практику: «здесь уже с начала заводов учреждено каждому мастеру, целовальнику или у кого какие припасы есть, иметь особная тетрадь», которую Татищев называет «мастерской» книгой. Мастеру или целовальнику следовало приходиться с этой тетрадью к начальнику, начальник записывал в ней число, вес требуемых припасов, имя работника, выдававшего припасы. Мастер или целовальник расписывался в получении припасов, в случае их неграмотности сам управитель отмечал: «отпущено».

В Наказе оговаривалось, что в приложении к нему шихтмейстерам давались образцы составления книг: «долговой», о выдаче жалованья, памятной о приходе-расходе денег, памятной припасам, «мастерской» за № 1–5. Верховной власти эти образцы вместе с текстом Наказа не высылались, поэтому в публикации Наказа образцы документов отсутствуют, их предстоит выявить в делах Канцелярии Главного заводов правления.

После определения содержания семи книг шли 8 примечаний, конкретизирующих регламентацию ведения записей в них, где Татищев попытался узаконить особенности составления приходно-расходных книг шихтмейстерами:

1. Хотя припасы одного названия полагалось записывать на одной странице, некоторые из них, такие как руда с разных рудников, уголь с разных куреней, железо разных сортов, требовалось вписывать на отдельные страницы, «дабы в счислении приемщиков можно подлинность видеть».

2. Так как многие припасы в приходе и расходе «бывают несходны» – «уголь уминается, руда в домны и печи берется не всегда весом», – поэтому «каждую груду» после переработки «сметать», отмечать ее недостаток или излишек по сравнению с приемом, а во избежание путаницы с количеством припасов не смешивать старый прием припасов с новым.

3. Припасы, которых мало бывает в приходе и расходе, например, копры, соколы и т. п., записывать по 2–3 и более на одной странице.

4. Припасы разного качества – гвозди, изготовленные разными работниками, плотнические, столярные, токарные и другие инструменты – записывать под общим названием, а у кого на руках есть, иметь роспись и в конце года внести их в приход и расход.

Примечание 5-е касалось установления цен на припасы. Поскольку их производство шло неравномерно, они использовались одновременно в разных ремеслах, Татищев оставил право установления цен за промышленниками. В то же время он внес свои предложения о способах расчета цены больших партий, а в примечании 6 изложил принцип установления цены на отпускаемые припасы: она должна быть единой для всех покупателей, из прибыли следовало вычитать десятину и таможенную пошлину, «десятину же всегда к тому прикладывать, с чего оное берется, а за земли и леса в общую сумму протчих расходов» [Татищев, с. 178–179].

Особый интерес для нас представляет примечание 7, в котором формулировались требования к составлению справочного аппарата к приходно-расходным книгам. Татищев предписывает в начале

каждой из них «иметь алфавит, також чтоб на каждом листу была особая литера», на этих листах вписывать имена людей, названия вещей и мест, начинающихся с этой буквы и упоминаемых в данной книге, с указанием страниц, где встречается это упоминание, «как вам то здесь в книгах объявлено», т. е. порядок составления таких указателей, введенный на казенных заводах, подлежал переносу и на приходно-расходные книги частных предприятий [см.: Там же, с. 179].

Специальное внимание уделяется манере внесения записей в приходно-расходные книги (примечание 8). Подчеркнув, что книги содержат много граф и столбцов с указанием количества вещей, веса, мер, денег, при этом для ведения книг используется обычная бумага, а не больших размеров, как «во всех государствах особливо на канторския книги большая бумага употребляется», Татищев тем самым демонстрирует знание иностранного опыта ведения таких книг, почерпнутого, вероятно, в Швеции, где он посетил в 1724–1726 гг. более полусотни предприятий.

Таким образом, нормы Адмиралтейского регламента (1722) послужили основой для В. Н. Татищева при разработке им пункта «О содержании книг» Наказа шихтмейстеру, но при этом Татищев не полностью скопировал и перенес их в свой собственный нормативный акт, а переработал и адаптировал для документирования шихтмейстерской должности. Эти же нормы были использованы Татищевым и при составлении Заводского устава 1735 г. для казенных заводов, в частности, порядок оформления приходно-расходных книг денег и припасов, различных ведомостей. В Заводском уставе имеются прямые ссылки на Наказ шихтмейстеру: «о чем на партикулярные заводы надзирателям обстоятельно написано» [Заводской устав, с. 333, 343]. В Заводском уставе, как и в Наказе, имеются прямые отсылки к Адмиралтейскому регламенту 1722 г.

Известно, что В. Н. Татищев был одним из самых ярых противников употребления иностранных слов в ущерб русским, и он не мог удержаться, чтобы не высказать свои критические замечания по поводу того, что «у нас приказные служители от необучения весьма пространно пишут лишнее и непотребные слова, а наипаче

чужестранные, которых иногда и сами не знают, за щегольство кладут и тем излишнюю бумагу и время теряют, а незнающих чужестранных слов в суждение и погрешение приводят...».

В целях экономии бумаги, которая в 30-е гг. XVIII в. стоила достаточно дорого, Татищев предписывает канцелярским служащим расчерчивать в приходно-расходных книгах максимально узкие столбцы, «чтоб токмо числа могли вмещаться», особенно, «где пишутся копейки, фунты, золотники и прочее», где не бывает более двух цифр. Он предписывает записи в книгах вести «кратко, часто и мелко», не употребляя лишних и иностранных слов, без которых можно обойтись. Поскольку Татищев готовил будущий закон, от имени верховной власти он вписал в текст Наказа такое предписание: «А для лутчего способа искать, чтоб для оных книг подрядить бумаги сделать крупной на русских бумажных заводах» [Татищев, с. 179], проявив себя и в этой деятельности как человек, мыслящий в государственных масштабах.

Пункт 3 Наказа «О записке людей» посвящался текущему учету населения, проживавшего при частных заводах. Для этого должна была вестись специальная книга «или записка каждого дня всем людям, кто родится или умрет, кто вновь придет с паспортом, или по крепости и кто отлучится куда и почему...». Шихтмейстер должен был запрещать беглым без паспортов, свидетельств и отпускных документов селиться у местных жителей и жениться, а сделавших это втайне – высылать. Если промышленник или его приказчики выступали против, то шихтмейстер обязывался немедленно доложить об этом в Канцелярию Главного заводов правления. Если же он сам оказывался замешан в таком преступлении, то подлежал равному с ними наказанию и уплате пожилого «по разчислению» [Татищев, с. 179]. Ведение такой книги преследовало контроль над пришлыми людьми и выдворение с частных заводов беглых людей без паспортов. Тем самым промышленники должны были лишиться основного источника формирования рабочей силы из беглых людей в угоду интересам помещиков, к которым они должны были возвращаться.

В пункте 6 «О содержании заводов» имелся ряд норм, предписывающих шихтмейстеру «репортовать со всеми обстоятельствами... для чего что учинено» в Канцелярию Главного заводов правления:

1) в случае, если нереализованную продукцию частных заводов будет приобретать казна по договору или припасы будут продаваться «не указною ценою»;

2) если промышленник не развивает производство или не может его содержать;

3) если владелец или его приказчики поступают противозаконно и не слушают «воспрещеней» шихтмейстера;

4) утаивают пошлину или десятину;

5) если компанейщики «за несогласием» хотят завод разделить или остановить;

6) если наследники по смерти владельца содержать завод не согласятся и начнут делить его припасы без указа;

7) если промышленник умрет, не имея прямых наследников;

8) в случае продажи завода или просрочки платежа по его закладке.

Эти рапорты шихтмейстеров призваны были информировать уральское начальство о неблагополучной ситуации, сложившейся на частных заводах, с тем чтобы государственный орган в лице Канцелярии Главного заводов правления мог оказать им действенную помощь, с другой стороны, мог пресечь противоправные действия промышленников. Как справедливо отмечал Н. И. Павленко, Татищев не верил в способность заводчиков «должным образом организовать свое промышленное хозяйство», считал, что «государство... должно опекать промышленников, оказывать им финансовую и техническую поддержку...». Нормы Наказа шихтмейстеру хорошо иллюстрируют это суждение.

Пунктом 7 «О зарплате мастерам» на частных заводах устанавливались те же нормы оплаты труда мастеровых, что и на казенных, шихтмейстерам «для знания о платеже на казенных заводах» вручалась «роспись». Владелец завода имел право увеличить жалование за прилежность или уменьшить за нерадение. Но шихтмейстер обязывался доносить в Канцелярию вместе с промышленником,

если усмотрит «сумнительство» в документах об оплате работы мастеров или занижение цен за определенные работы, выполненные приписными к заводу крестьянами – расценки за них приводились в подпункте 6.

Шихтмейстеру полагалось рапортовать начальству о найденных рудах, минералах, их пробах, предварительном осмотре этих мест. В случаях, если приказчики «неправильно будут поступать», сообщать хозяину. Таким образом, на шихтмейстера возлагалась переписка со своим начальством – Канцелярией, находившейся в Екатеринбурге, и с владельцем завода, который мог проживать в столице или Москве [см.: Татищев, с. 180–182].

В конце Наказа упоминалась еще одна разновидность документов, которые шихтмейстер должен был отправлять в Горное начальство по третям года: краткий рапорт «о зделанных припасех», скрепленный промышленником, а в его отсутствие – приказчиком и шихтмейстером. В этом рапорте должны были быть перечислены «всякое железо и медь, что в каких свойствах зделается и в продажу, отпуск или в заводской расход употребится». Прилагался образец такого рапорта за № 6. По окончании года шихтмейстеру полагалось составить годовой рапорт, в котором показать также расход угля, руды, что приготовлено к будущему году, «в чем есть недостаток и какой помощи требует» завод [Там же, с. 186].

Поскольку на 25 частных заводов Урала удалось с трудом направить лишь 13 человек [см.: Павленко, с. 205], шихтмейстерам поручалось курировать по 2–3 завода, самим назначить на них подьячих этого завода или свободного приказчика, дать список Наказа, надзирать за составлением ими книг «по вся седмицы», исправлять ошибки путем зачеркивания и внесения рядом правильных записей, но «чтоб чищенья и черненья отнюдь не было». Кроме того, шихтмейстеру полагалось иметь «при себе для обучения содержания книг и сочинения щетов 2 человек» [Татищев, с. 186, 184].

Таким образом, анализ текста Наказа шихтмейстеру позволяет сделать вывод, что В. Н. Татищев уделил особое внимание в этом документе вопросам документирования деятельности шихтмейстеров как государственных чиновников, представителей Канцелярии

Главного заводов правления, в частности, регламентации формирования приходных и расходных книг денежной казны, различных припасов, установлению сроков присылки ими отчетной документации в Канцелярию. Эти нормы имели целью предоставление точной информации государственному органу (уральской Канцелярии), чтобы он мог контролировать:

1) уплату частными предпринимателями торговых пошлин, десятины в пользу государства «без утайки»;

2) выплату половины окладов мастеровым и работным людям во время болезни и вынужденного простоя заводов; оплату труда крестьян за выполнение заводских работ.

Как показала А. М. Сафронова, текст Наказа шихтмейстеру после обсуждения в уральской Канцелярии 27 января 1735 г. был отправлен при доношении императрице, получен ею 10 марта, т. е. через полтора месяца. Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищеву объявлялось, что присланная от него инструкция будет рассматриваться в Коммерц-коллегии, после апробации Кабинетом министров «публикована быть может». Не дожидаясь апробации Наказа, 11 февраля 1735 г. уральское начальство во главе с Татищевым определило: «оных шихтмейстеров имена в наказы внести и их на заводы разослать по тому реестру...» [Сафронова, 2006, с. 110, 112].

Уже через месяц, 11 марта 1735 г., в Канцелярию Главного заводов правления было подано коллективное прошение, написанное служителем А. Демидова С. Сергеевым, подписанное тремя компанейщиками и восемью приказчиками. Получив копии Наказа, они выступили против его положений, касающихся выплаты жалованья мастеровым за дни болезни и простоя заводов, против обязательного обучения детей в школах и введения новых форм учета припасов, расхода средств, усмотрев в последнем «великое себе отягчение и невозможности» [Павленко, с. 228–231].

Они заявили, что на частных заводах суммы расхода исчисляются по издержке капитала и изготовлению припасов «общемо суммою», а если все расписывать, то времени смотреть за заводом не останется, «принуждены будем всегда письменные дела исполнять, которых, как видно из одного наказа, не менее того будет, как

и при казенных в в. в. заводах имеетца, которая у нас до сего времени одним прикащиком с двумя пищиками исправлялись». Ныне же потребуется «подьячих к тому искусных и на небольших заводах до десяти человек, которых нам, нижайшим, и взять будет неоткуды... и прибыль в те расходы издержитца...». Соглашаясь записывать данные о выплавке меди и чугуна, об отпуске в продажу припасов, с чего берется десятина и пошлина в пользу государства, по новым формам, компанейщики и приказчики просили сохранить учет прихода-расхода денег и припасов «по прежнему имеющемуся при каждом заводе обыкновению...» [Там же, с. 228–230].

Только через два с половиной месяца, 30 мая 1735 г., прошение было рассмотрено на расширенном заседании Канцелярии. Всем его пунктам дана отрицательная оценка. Так, в отношении составления книг заявлено: «порядочно книги содержать труда и опасности меньше, и быть тому весьма нужно, потому что во всех европейских государствах на горных партикулярных заводах содержатся шихтмейстеры под смотрением государственных служителей, т. е. цегентнеров и бергмейстеров, где о всяких к тому принадлежащих приходах и расходах щеты делаютца мимо промышленников, о чем в уставах горных королевства Богемского, Саксонских и швеских обстоятельно описано».

По Наказу все счета проверять не требуется, вводится этот порядок, «чтобы промышленник мог обстоятельно и порядочно видеть, куда, сколько и каким порядком дано, а правление б могло правильной щет видеть, почему что становится, которое и по горной привилегии знать надлежит...». Обосновывалась польза нового ведения книг и для наследников, и для самих приказчиков.

Получило отповедь и заявление о большом числе подьячих, потребных для составления учетных книг: на большом заводе понадобится 2–4 человека, «но еще в порядочном содержани[и] письма гораздо умалитца, наипаче когда прилежно сначала потрудятца и привыкнут, то сами узнают, что оной порядок пред прежним их гораздо полезнее». В противовес заявлению приказчиков, что из-за увеличения подьячих прибыль умалится, заявлялось, что при одном Екатеринбургском заводе «подьячих было близ ста чело-

век с немалыми оклады, однакож и затем прибыль от завода была довольная» [Там же, с. 231–233].

В Коммерц-коллегию Наказ поступил из Кабинета 14 апреля 1735 г., в мае коллегия подала о нем «рассуждение» Кабинету министров. Члены коллегии противопоставили ссылке Татищева на горное законодательство других стран тезис о том, что там заводы содержатся компаниями, они сами выбирают себе шихтмейстера, который весь приход и расход содержит как бухгалтер, а по Наказу шихтмейстеры «полную власть над ними будут иметь», а «промышленник при своем заводе будет весьма безсилен...» [Там же, с. 235–236].

Коммерц-коллегия разделила мнение владельцев заводов и их приказчиков и по поводу увеличения числа подъячих: «у лутчаго заводчика Демидова для записок на всех заводах десять человек едва сыщется. Содержать же им излишних и нанимать людей для содержания порядочных книг трудно и за высокую цену сыскать. А когда и сыщут, и тем надлежит давать великую плату...» Признавалось «иметь книги на всех тех промышленничьих заводах по Адмиралтейскому регламенту... за немалой труд или и за невозможность... ис чего промышленникам будет сущая остановка и в делах их помешательство. Казне же е. и. в. пользы и прибытка ис того быть не признается, но опасно, чтоб такими отягощениями промышленников весьма от произведения тех заводов не отогнать и охоты у всех вовсе не пресечь» [Там же, с. 237].

Конец начинаниям В. Н. Татищева в отношении частных заводов положила резолюция Кабинета министров, вынесенная 12 декабря 1735 г. на прошение самого крупного уральского заводчика, владельца 12 предприятий Акинфия Демидова [см.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6840]. В его личном прошении, кратко переданном в этом законодательном акте, по сути повторялось содержание коллективного прошения, поданного компанейщиками и их приказчиками уральскому начальству в марте 1735 г. В отношении новых форм ведомостей А. Демидов просил: «Шихтмейстерам при партикулярных заводах быть и смотрение иметь, ради умаления записок и впредь произошедших сумнительств, что принадлежит к сбору и пополнению казны, а записки, чтоб всякой вещи истинную цену познать,

и о долгах промышленничьих и о расходах, чтоб иметь с росписками и с объявлением доказательств, и исчисление всяким заводским припасам для изчисления порознь, чего им исполнить никак не можно, отставить».

Принятая по этому пункту резолюция гласила: «Понеже ныне определенные в шихтмейстеры сами арифметики не знают, и к содержанию бухгалтерских книг необыкновенны, того для шихтмейстеров ныне отставить, а подтвердить партикулярным заводчикам, чтоб они книги по-прежнему содержали только порядочно и правильно». При этом предписывалось: «впредь для обучения содержания книг бухгалтерским манером для лучшего порядка и пресечения излишняго письма обучать в той же школе, которая учреждена будет при казенных главных заводах, а промышленникам объявить, чтоб они своих людей, сколько похотят, в оную школу отдавали, в которую их принимать и обучать» [Там же].

В целом верховная власть удовлетворила просьбу А. Демидова и стоявших за ним промышленников: отменила не только новый порядок отчетности, выплаты жалованья работникам, открытия школ, но и сам институт шихтмейстеров. Таким образом, потерял всякую силу и Наказ шихтмейстеру – он так и не стал законом. Попытка В. Н. Татищева внедрить на частных заводах новые формы составления учетных документов потерпела неудачу. Они были невыгодны промышленникам, и верховная власть пошла навстречу их интересам. Поскольку резолюция Кабинета министров на прошение А. Демидова пришла в Екатеринбург 14 января 1736 г. [см.: Татищев, с. 220], можно считать, что Наказ шихтмейстеру являлся действующим документом на протяжении 11 месяцев. Как сообщал Татищев Кабинету министров 20 января 1736 г., чтоб на частных заводах «книги по-прежнему содержали, о том мы во все места указы послали». При этом Татищев не удержался донести: «промышленникам и прикащиком, чтоб книги правильно содержали, верить надеяться невозможно, ибо многие, а паче оной Демидов, обык уже в том, чтоб надлежащее в казну в. в. таить, которое обличают его письма, как он писал к прикащиком, чтоб ведомости о десятине и пошлинах подавали глухие. Також ныне видя, что он

пошлины прежде не платил, а в комиссии требуют отписей, он писал, чтоб выписи взять задними числами, и ежели б они, прикащики, где на городе деньги заплатили и отписи взяли, но оные б деньги уже в казну в. в. притти не могли, потому что прошлых лет ни в книги, ни в репорты внести оных неможно, и для ясного обличения со оных посылаю при сем точные копии» [Там же, с. 221].

Герман И. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. Ч. 1.

Заводской устав Татищева // Горн. журн. 1831. Кн. 6. С. 331–344.

Павленко Н. И. «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // Ист. арх. 1951. Т. 6. С. 199–244.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 6. № 3937; Т. 9. № 6559, 6840.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и горнозаводские школы Урала в середине 30-х гг. XVIII в. // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 1995. Вып. 2. С. 40–51.

Сафронова А. М. Проект В. Н. Татищева по открытию школ на частных заводах Урала и попытка его претворения в жизнь // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 97–138.

Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.